

СЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ЭТНИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС ГЕНДЕРИЗОВАННОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Дмитрий Владимирович Воронцов *

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Цитирование: Воронцов Д.В. (2017) Сексуальность как этничность: культурный ресурс гендеризованной сексуальности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 59–74.

Аннотация. Социокультурный контекст играет важную роль в понимании человеческой сексуальности. Трактовка сексуальности как социального сценария, функционирующего на культурном, межличностном и внутриличностном уровнях, позволяет ввести представление о гендеризованной сексуальности. До возникновения общества Модерна сексуальность выступала атрибутом маскулинности и фемининности и не рассматривалась отдельно от гендера. Режимы проявления телесности и желания имели гендерное измерение, а особенности сексуальных практик формировали культурные каноны мужественности и женственности. Возрождение представлений о культурном, а не биологическом измерении сексуальности позволяет увидеть социально-историческую перспективу приобретения сексуальностью качеств понятия этничности. Применимость концепта этничности к сексуальности была постулирована в конце 1960-х по отношению к сообществам гомосексуалов в крупных индустриальных городах. Обращение к этимологии социальной категории «этнос» показывает, что последний может быть референтным для любых меньшинств, которые не вписываются в нормативный социальный порядок, обращенный на сексуальность. Если понимать сексуальность как функционирование гендеризованной телесности в контексте социального общения (коммуникации, перцепции и интеракции), то социальная общность, возникающая на основе фиксации социального внимания на той сексуальной практике, которая не вписывается в рамки гендерной и сексуальной нормативности, может пониматься на манер этнического сообщества. Однако с учетом тенденций анти-нормативистского развития современного общества, в условиях текучести прежде устойчивых форм социальной жизни любая сексуальность на внутри- и межличностном уровне начинает утрачивать признаки, обеспечивающие ей кажущуюся «естественность» и возможность доминирующего положения над другими (маргинальными, подчиненными) сексуальностями. Гибридизация сексуальности, скрещивание маркеров разных видов сексуальностей побуждает социальных акторов стабилизировать распадающиеся сексуальности через бесконечное конструирование множества сексуальных сообществ с псевдо- и субидентичностями: асексуал, грейсексуал, демисексуал и др. Вольность в обращении с социальными категоризациями становится ключевой характеристикой дискурсивных определений человеческой сексуальности.

*E-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Ключевые слова: сексуальность, этничность, гендер, сексуальные сообщества, гендеризованная сексуальность

Введение

После выхода в свет монографии Джона Гэньона и Уильяма Саймона «Половое поведение: социальные истоки человеческой сексуальности» (Gagnon, Simon 1973) трактовка сексуальности в качестве социокультурного сценария (скрипта), задающего рамки и параметры проявления в социальном взаимодействии чувственности и телесности, стала наиболее распространенной пост-психоаналитической концепцией. Она прерывает доминировавшую продолжительное время традицию толкования сексуальности преимущественно в биологизаторском ключе. Так, даже в опросных исследованиях Альфреда Кинси и его коллег социальные переменные, связанные с сексуальным поведением (класс, уровень образования), выступали не более чем факторами, искажающими «естественные» и универсальные проявления сексуальности (Reiss 2006). В рамках методологии, предложенной Гэньоном и Саймоном, в понятийное поле социальных наук наряду с широким и многозначным понятием «сексуальная культура», которое покрывает все многообразие социальных отношений в сфере сексуальности, включая ценности, установки и представления, нормативные образцы поведения и повседневные сексуальные практики, формы сексуального образования (Панкратова 2011), было введено понятие сексуального сценария.

Сексуальный сценарий (на культурном, межличностном и внутриличностном уровне) — это то, без чего человеческая сексуальность не может состояться, и вне чего она не существует. Сексуальные сценарии культурного уровня, по мнению Гэньона и Саймона, образуют наиболее общий контекст функционирования сексуальности, в котором отдельные практики обозначаются как недопустимые, от вовлечения в которые индивидов необходимо предостерегать, другие же полагаются необходимыми, достойными поощрения и зависти. По сути, сексуальные сценарии культурного уровня выступают системой оценок для сценариев других уровней и реализуемых в жизни сексуальных практик. Эти сценарии описывают общие сексуальные типажи и их отличительные признаки. Конкретный же социальный актер исполняет собственный сексуальный сценарий весьма индивидуально, с большим количеством оттенков и заимствований из «ролей», предназначенных совсем для других «персонажей», опираясь при этом на личные фантазии, мысленные проигрывания ситуаций и воспоминания жизненных фактов.

Поскольку в науках о человеке преобладающим дискурсом о сексуальности длительное время был «естественный» закон пола и полового влечения, которое регулировалось с помощью нормативизации как механизма

укрощения животного, плотского, иррационального начала, сексуальность по инерции продолжает рассматриваться многими в качестве аспекта пола, а не гендера. В свою очередь предмет гендерных исследований ведущими академическими институциями, обладающими властью экспертной оценки и трактовки содержания психологических гендерных исследований, таких как, например, Институт психологии РАН, продолжает сводиться к разнообразному сочетанию маскулинных и фемининных качеств личности и поведенческих характеристик (Знаков 2004). Однако на психологическом уровне отделить гендер от сексуальности можно лишь умозрительно, поскольку социальное восприятие себя и других в качестве мужчин или женщин всегда затрагивает социальные аспекты телесности (состояния, качества и способности тела, конституируемые социальными ожиданиями), характеристики эмоционально-чувственного опыта, направленности и способов реализации сексуального желания. Концепт телесности в сочетании с концептом сексуального сценария позволяет говорить о *гендеризованной сексуальности*, когда именно гендер подчинен сексуальности как базовому компоненту системы отношений личности. В то время как мы чаще оперируем понятием о *сексуализированном гендере* — концепте, рассматривающем сексуальность наряду с воспринимаемым анатомическим полом в качестве дополнительного элемента гендерной системы (Исаев 2012).

Помещение сексуальности в центр системы отношений личности открывает возможность обнаружить поразительное сходство механизмов функционирования сексуальности и этничности, что, в свою очередь, дает возможность увидеть в сексуальности совокупность разнообразных типов социальной общности, сходных по своим ключевым проявлениям и характеру существования с этническими общностями. Но прежде чем перейти к описанию такого сходства, целесообразно предварительно обосновать саму идею, постулирующую существование гендеризованной сексуальности. Для этого обратимся к культурологическому экскурсу.

Гендерное/культурное измерение сексуальности

Исторические исследования в области культурной антропологии демонстрируют, что до появления общества Модерна сексуальность считалась неотъемлемым атрибутом маскулинности и фемининности (Salisbury 2000). Во всех в европейских языках самостоятельное понятие пола возникло лишь в позднем средневековье — в конце XIV–XV вв. — в значении «вид», «разновидность», «часть целого». Лишь в XVI в. оно приобрело значение самостоятельного признака мужского или женского тела. Понятие сексуальности, выделяющее феномен использования гениталий с целью удовлетворения плотских желаний, появляется лишь к XIX в. (Rampono 2011), а понятия «мужчина» и «женщина» практически до самой эпохи Модерна не предпо-

лагали четкого разделения биологического, психологического и социального аспектов жизни (Salisbury 2000).

Так, еще древнеримский врач-философ Аретей из Каппадокии (2-я половина I в. – 1-я половина II в. н.э.), второй по значимости ученый своего времени после Гиппократ, создавший наиболее полные и яркие описания медицинских воззрений античного мира, связывал весь спектр маскулинных качеств (телесный, психологический и социальный) с производством семени и характером ее расходования в сексуальных практиках (Salisbury 2000). Различные режимы сексуальности, касающиеся расходования/экономии спермы, якобы определяли возможность сохранения или утраты мужественности. На этом основывались рекомендации мужчинам по ограничению сексуальной активности и установлению в качестве приоритета репродуктивного секса над рекреативным. Так возник общественный идеал сексуальной воздержанности в качестве главной характеристики маскулинности, ведь из-за неумеренных занятий сексом, завершающихся эякуляцией, по утверждениям античных авторов, мужчина подвергался риску утратить «горячность и сухость» (маскулинные качества) и приобрести «холодность и влажность» (фемининные качества). Это в крайнем случае, согласно таким представлениям, могло привести к полному превращению мужского гендера в женский, включая генитальный и репродуктивный компонент.

Сексуальность считалась ключевым элементом не только маскулинности, но и фемининности. В отличие от мужчин, женщинам якобы была свойственна ничем необузданная сексуальность. Этот взгляд отражен в одной из версий греческого мифа о Тиресии в изложении Овидия (Метаморфозы VII: 326-327) и Гесиода (Фрагменты: 275, 276). Такое понимание гендеризованной сексуальности, берущее начало в античности, по-видимому, определило устойчивый взгляд на женщину в целом как сексуальный объект и машину для репродукции: мужчина должен был служить обществу и государству, тогда как женщина — цели воспроизводства граждан.

В средневековье традиция синкретического понимания гендера/сексуальности не прерывалась. Гениталии и характер удовлетворения сексуальных потребностей в восприятии средневековых европейцев выступали центральной составляющей гендера, источником мужского или женского «духа». По утверждению Св. Амвросия Аврелия Медиоланского (337–397 гг.) — одного из четырёх латинских учителей (отцов) церкви, оказавшего значительное влияние на католическую этику — с гениталиями были связаны различия не только в физическом облике, но и гендерных качеств людей. Исидор Севильский (Гиспальский) — последний латинский отец церкви (560-636 гг.), систематизировавший сумму позднеантичного знания в соответствии с христианскими представлениями — центром маскулинности

утверждал промежность, предоставляющую мужчине силу и власть, а феминности — пупок, репрезентирующий пассивность, восприимчивость, заботу о других и склонность к воспитанию (Salisbury 2011).

В целом, сексуализация гендера в премодерновой культуре тесно связывала духовную, моральную и физическую силу с ограничительными режимами мужской сексуальности. Напротив, сексуальная открытость и раскрепощенность связывалась с женщиной, ассоциировалась с болтовней, символически связанной с открытым ртом, а через него также с животом и низом (Тертуллиан 1994). Сэлисбери (Salisbury 1991) обращает внимание на то, что если женщина и наделялась средневековыми авторами властью, то только властью соблазнения. Мужчина, согласно этим воззрениям, может быть соблазнен женщиной, однако он быстро восстанавливает маскулинность через сексуальное доминирование над партнершей.

Подобного рода взгляды указывают на то, что с древних времен гендеризованная сексуальность была символически связана с общественной ролью индивида, а индивидуальные и публичные проявления сексуальности — с гендерными характеристиками личности. С одной стороны, сексуальность отражается в гендере: например, гомосексуальный или транссексуальный гендер в концепции де Лауретис (Lauretis 1987). Но с другой, гендер задает параметры функционирования сексуальности. Если понимать под гендером нормативную модель исполнения предписаний относительно того, что считается мужским или женским (Батлер 2011), то в условиях нормативного социального порядка, который Дэвид Виттиер и Уильям Саймон (Whittier, Simon 2001) определяют в качестве парадигматического (т.е. опирающегося на нормативизирующую функцию базовых категорий), могут конструироваться самые разные фиксированные идеальные модели (или типы) мужских и женских сексуальностей и соответствующие им фиксированные личностные типы («пассивный гей», «активная лесбиянка», «злой натурал», «мачо-гей» и т.п.). Именно парадигматический характер функционирования общества производит особые типы сексуальностей и формы сексуальной экспрессии, которые могут становиться основанием для появления особых видов социальной общности на основе сексуальности. В такой логике перед нами открывается возможность посмотреть на сексуальность так же, как мы смотрим на гендер, и при этом увидеть значительные совпадения в социально-психологических механизмах функционирования сексуальности и этничности.

Сексуальные/этнические сообщества:

применимость понятия этнической общности к сексуальности

Идеи применимости социальных механизмов, по которым функционируют этнические сообщества, для понимания и анализа отдельных сексу-

альных практик (например, гомосексуальности или БДСМ-практик вне зависимости от пола вовлеченных в них партнеров) в условиях городской культуры мегаполисов высказываются с конца 1960-х гг. (Murray 1979). Эти идеи основываются на понимании сообщества в качестве общности, основанной на относительном единстве целей, взглядов, интересов, представлении о наличии общего опыта (воображаемой истории происхождения), а также на общих ресурсах для удовлетворения потребностей. Кооперация и чувство общности на основе сексуальности, обращает внимание Стивен Мюррей, формируются не автоматически, а лишь в условиях подавления каких-то сексуальных практик по причине их отличительности от нормативных моделей и ценностей. В этой связи вспоминается одно из ранних значений понятия «этнос», которое базируется на признании подавления в качестве ключевого фактора возникновения некоторых видов социальной общности.

Если мы обратимся не к нормативному, а дескриптивно-генеративному словарю, то увидим, что термин «этнос» восходит к древнегреческому слову «*εθνος*» («*ethnos*»), основным значением которого в античности было совместное проживание живых существ, имеющих общий источник происхождения (Вейсман 2011). Древние греки употребляли это слово и по отношению к животным в значении «стая», «стадо», и в значении обособленной группы людей, живущих на определенной территории, для которых греческий язык не является родным и которые имеют обычаи или поведенческие нравы, отличные от распространенных среди греков. Этимология термина и античные дискурсивные практики позволяют с его помощью делать акцент на феномене разделения общества на группы, которые обладают специфическими культурными характеристиками, что отражается не только в социальной дифференциации, но и в иерархии. Древние греки называли этносами только «не-греков», т.е. социальное меньшинство. А, например, в позднем Древнем Риме это греческое понятие было заменено термином «*ethnics*» (этнический), которым обозначались все нехристианские культуры. Отсюда сложилась практика, когда словами «этнос» и «этнический» могут маркироваться любые субкультурные общности. Одним из признаков этноса при таком определении становится социальный статус, а ключевым признаком этничности — ответ на вопрос, является ли культурно обособленная общность доминирующей группой или социальным меньшинством (подчиненным, подавляемым, угнетаемым, дискриминируемым). Соответственно, под этносом вполне может пониматься такой вид общности, который исключается из процесса социального взаимодействия, потребности которого игнорируются или не в полной мере учитываются социальными институтами, что заставляет его представителей ощущать свой приниженный статус и объединяться вокруг признаков, которые делают их социальным меньшинством.

Употребление термина «этнический», сфокусированное на социокультурных особенностях угнетаемых гендерных групп (женщин, живущих в условиях сексистского общества), сексуальных и других социальных меньшинств, не является большой редкостью (см. Holstein, Gubrium 2008). С появлением социального конструкционизма этнос зачастую трактуется в качестве «воображаемого» сообщества, члены которого воспринимают себя как ограниченную, суверенную общность людей, обладающих некими уникальными характеристиками, делающими их непохожими на представителей других общностей (Hazleton 1995). Такая общность существует в головах ее членов, поскольку этнос — это слишком большая группа, чтобы каждый имел достаточный личный опыт общения с другими людьми, позволяющий оценить степень сходства и различия членов одной этнической группы с другой. Конструирование этнической общности возникает на основе согласованного и общепризнанного выделения некоей совокупности признаков в качестве идеальных характеристик, которые должны объединять ее членов. Если понимать сексуальность как социокультурный феномен, как функционирование гендеризованной телесности в контексте социального взаимодействия, то любая социальная общность, возникающая на основе фиксации социального внимания на той сексуальной практике, которая не вписывается в рамки гендерной и сексуальной нормативности, может пониматься как разновидность этнического сообщества.

Мюррей выделил следующие признаки, делающие схожими этническое и сексуальное сообщество на основе их подчиненного положения в нормативистской социальной системе (Murray 1979):

1) тенденция занимать определенное социальное пространство, формируя широкие социальные сети, которые объединяют преимущественно «своих» и создают такие социальные условия, при которых «иной» субъект (из доминирующей культуры) будет чувствовать себя «не вполне своим» или даже «чужим»;

2) создание/наличие обособленной социальной сферы и институтов, или хотя бы элементов институционализации, которые призваны удовлетворять специфические потребности носителей альтернативных признаков, качеств, практик и вокруг которых концентрируются социальные связи «своих» (сегодня этот элемент активно развивается в виртуальном пространстве, что компенсирует барьеры на пути институционализации в других пространствах);

3) формирование коллективной идентичности (сексуальность в такой же мере не производит автоматически общую социальную идентичность на основе одной сексуальной практики, как, например, армянское происхождение не обязательно формирует армянскую идентичность у донских армян,

проживающих с 1779 г. в Юго-Западном ареале современной Ростовской области России);

4) тенденция конструировать историческую темпоральность своей группы — создание героизированного прошлого, которое обосновывает длительность культурно обособленного существования в условиях притеснений, гонений и борьбы за право быть иными, история как способ утверждения особого статуса группы в обществе;

5) социальное родство как один из ресурсов групповой лояльности и центральная составляющая идентичности (кровные узы и в этническом сообществе не являются абсолютным ресурсом для формирования общности и социальных связей, хотя в этом отношении сексуальная идентичность, конечно же, является в большей мере, чем этническая, достигаемой характеристикой, нежели приписываемой по умолчанию на основе общности происхождения — но это, по мнению Мюррея, не критическое различие);

6) создание/наличие нормативных в рамках сообщества способов борьбы за доступ к ограниченным ресурсам и агрессивных механизмов защиты культурной обособленности (например, создание уничижительных ярлыков для представителей социального большинства, которые используются в дискурсивных практиках внутри сообщества: *honkies* — уничижительное наименование белых американцев, распространенное среди чернокожих американцев из социальных низов; «гетерасты» — уничижительное наименование гетеросексуальных мужчин, появившееся в гомосексуальном сообществе в России в пику слову «педераст» в его оскорбительном значении, используемым гетеросексуальным большинством);

7) существование общих норм и ценностей, приписываемых сообществу (хотя при этом далеко не все представители этих сообществ могут их безусловно разделять).

Мюррей обращает внимание на то обстоятельство, что пока вокруг сексуальности не сформируется полноценная социальная система, не возникает никакого рационального основания, для того чтобы начать придирчиво относиться к тому или иному сексуальному сообществу и выделять его из других подсистем общества. Поэтому приобретение сексуальностью качеств этничности является историческим процессом, который осуществляется на наших глазах в обществе сегодняшнего времени. Сексуальность как этничность — это социальная реальность сегодняшнего дня, а не изначальное состояние сексуальности с момента ее появления в качестве особой ипостаси личности в европейской культуре XIX столетия. Поскольку этнос с конструкционистской точки зрения возникает на основе социальных представлений членов о своем сообществе, базовым понятием в такой модели становится этничность как разновидность социальной идентичности личности, а не этнос как социальная группа.

Сексуальность как этничность

В социально-психологическом смысле этничность представляет собой социальное восприятие, интерпретацию и представление о собственной личности в качестве представителя некоторой общности, существенным образом отличающейся по ряду культурных характеристик от других общностей (Брубейкер 2012). Иными словами, этничность — это способ восприятия человеком собственной личности в культурном аспекте, социально сконструированное представление об особенностях своей личности и поведения, связанных с принадлежностью к общности, имеющей отличную от других культуру. Как отмечает Гарриет Брэдли, этничность выступает следствием социальной категоризации по одному из аспектов инаковости (Bradley 2015: 19). Определенные черты личности и поведения трактуются и воспринимаются партнерами по социальному взаимодействию как этнически специфические, как особые социально-психологические личностные свойства, связанные именно с принадлежностью к определенной этнической общности и порождаемые самим членством в этой общности. Однако фактически этничность всегда конструируется, ее содержание складывается в процессе обсуждения, она приписывается индивиду на основе идентификационных признаков, устанавливаемых в ходе дискуссии о том, что представляет собой конкретная этничность в поведенческом и личностном измерении.

Если в традиционном социальном мышлении этничность рассматривается как субъективное отражение и поведенческое проявление принадлежности личности к объективно сложившейся этнической общности, то Роджерс Брубейкер (2012) обращает внимание на то обстоятельство, что этничность — это отнюдь не социально-психологическое проявление этнической группы, а необходимое условие возникновения такой общности. Когнитивные схемы восприятия мира, наборы ситуативных поведенческих моделей, условные ключевые идентификационные признаки, повседневные рутинные действия, система представлений, идеология, собственно, и формируют этническую общность в определенных культурных, социальных и политических границах.

Как отмечает Бен Рамптон, простое скрещивание условных специфических маркеров (слов, действий, поступков) в некую общую модель поведения предполагает выделение в ней нового смысла и отличающейся интерпретации ситуации, в которой эта модель используется (Rampton 2005). Скрещивание маркеров имеет функцию проблематизации и обсуждения правомерности подобного действия социальными партнерами, что, в свою очередь, позволяет обозначить некую подвижную социокультурную границу между теми, кто разделяет и не разделяет особый смысл, особую трак-

товку некоего социального действия в конкретной ситуации. По такому социально-психологическому механизму, названному Брубейкером (2012) «этницизацией», появляются самые различные социокультурные формы объединения людей в общности, которые сами по себе не имеют стабильного существования: они эмерджентны, ситуативны и текучи, но приобретают стабильность и фиксируются в особом типе личности, когда становятся политическими проектами и социальными институтами.

Аналогичные процессы происходят и в сфере сексуальности. Социальное восприятие и интерпретация в такой же мере лежат в основе функционирования сексуальности на психологическом уровне (Hill 2008). В восприятии человека любой объект и любая характеристика может приобретать сексуальное значение в зависимости от содержания интерпретации. Указанные механизмы определяют представление людей о личности — своей собственной и окружающих, что в совокупности открывает возможность формирования социальных общностей на основе сексуального опыта, которые могут существенным образом отличаться по ряду культурных оснований от других общностей. Основным критерием для формирования таких общностей на основе сексуальности выступают отнюдь не сексуальные предпочтения как таковые, а именно появление особой субкультуры. Составляют такую общность только те субъекты, чей сексуальный опыт не просто отличается от доминирующей формы сексуальности, а которые занимают в социальной структуре подчиненное место и являются угнетенными, дискриминируемыми или даже сегрегируемыми. Именно в этом смысле сексуальность и этничность совпадают по своим социальным механизмам функционирования.

Как и в случае с этносом, мы никогда не сможем выявить строгие объективные признаки, отличающие одну сексуальность от другой, поскольку главным фактором образования общности и принадлежности к ней является воображаемое единство ее членов, а существенным признаком для выделения определенного вида сексуальности оказывается ее социальный статус. Последнее обстоятельство позволяет объяснить, почему выделение такого феномена, как гетеросексуальность, оказалось возможным только к 30-м годам XX в. (Katz 2007). Сексуальность, как и этничность, конструируется через постулирование различий посредством высказываний о сексуальности и ее определений, утверждений о допустимости и возможности ее разделения на виды, которые в процессе социального взаимодействия легитимируются и приобретают статус общепризнанных. И точно так же, как в случае с этничностью, на основе сексуального различия в дальнейшем развивается представление о сексуальном разнообразии, когда сексуальность понимается в качестве набора статичных и замкнутых сфер, подвергаемых оценке. Декларирование разнообразия означает признание суще-

ствования неких строго очерченных форм проявления сексуальности, которые оформляются в виде сексуальных идентичностей. При этом реальный сексуальный опыт индивидов весьма подвижен, сложен, ситуативен, зависит от множества обстоятельств и характера системы внутри- и межличностных отношений.

Сексуальные различия связаны не столько со специфичностью сексуальных практик и предпочтений, сколько с внутренней согласованностью между определением того или иного вида сексуальности и реализуемыми практиками и переживаемым сексуальным опытом. Все элементы в реализуемых практиках и переживаемом опыте, которые не укладываются в определение конкретной сексуальности, выпадают из восприятия как «несущественные», случайные. Сексуальные различия, по сути, представляют собой множество представлений о том, что представляется наиболее существенным и критичным в отношении сексуальности, а не просто ее существование. Эмпирический анализ процесса социального восприятия гетеросексуальности мужчины показывает, что наличие гетеросексуального опыта и радикальность отличия экспрессивных паттернов, маркируемых как гетеро- или гомосексуальные, имеют не такое уж большое значение для идентификации себя или другого мужчины в качестве гетеросексуального (Воронцов 2013). Важнее предъявлять в процессе общения ансамбль характеристик и признаков, состоящих в определенной иерархии, в соответствии с требованиями конкретной ситуации. Демаркационная линия между гетеро- и гомосексуальностью мужчины чаще находится не в сфере реального сексуального опыта, а в содержании представлений о том, какое сочетание признаков и в каком контексте выступает маркером определенного вида сексуальности.

Заключение

В условиях парадигматического сексуального различения и постулирования существования неких стабильных форм сексуального разнообразия сексуальность разделяется на два относительно независимых пласта существования: личный и коллективный — и становится весьма противоречивым феноменом, внешние проявления которого подвергаются тщательному рассмотрению, отбору, контролю и регулированию. При господстве нормативистского уклада социальных отношений, когда стабильность и незаметность оснований социальной жизни не создает особых проблем личного выбора какой-либо модели поведения, господствующие культурные сексуальные скрипты выступают главными предикторами функционирования сексуальности, производя фиксированные сексуальные идентичности. В условиях же складывающегося сегодня социального порядка, который Уиттиер и Саймон называют постпарадигматическим (т.е. отрицающим или

подвергающим критике нормативность научных категорий), на передний план выдвигаются внутриличностные сценарии сексуального желания, подрывающие возможность становления и функционирования любой четко определенной сексуальной идентичности на общественном уровне и смещающие акцент на психологические основания сексуального самосознания (Whittier, Simon 2001). Однако при этом исчезает и само дискретное понятие сексуальности, являющееся продуктом общества парадигматического типа, поскольку сексуальное желание, в отличие от сексуальности, не только многомерно, но и размыто в своих границах и не имеет четкой фокусировки на какой-либо конкретный объект.

Если в условиях парадигматического общества мы вполне можем рассматривать сексуальность как самостоятельную категорию в одном ряду с категориями возраста, социальной роли, гендера, власти, расы, то в ситуации текучего социального порядка всякая последовательная связность этих категорий в контексте сексуального желания распадается. Сексуальность начинает прорываться и проявляться в любом социальном пространстве, в самых неожиданных местах социальной ткани, в которых раньше ее нельзя было даже помыслить. Сложность сексуальности более не описывается луковичной метафорой в духе Гирца, когда один слой смыслов накладывается на другой. Современная сексуальность все реже представляется самостоятельной категорией, а куда чаще оказывается одной из «нитей» комка ваты, в котором все волокна хаотично переплетены, неожиданно являются взору и пропадают в глубинах этого хитросплетения. Стабильность сексуальности в таких условиях оказывается возможной или при условии попадания в стабильные и связные внешние рамки, или при условии сознательного самоограничения и преднамеренной фокусировки на предварительно сконструированном идеальном/предпочитаемом объекте сексуального желания. Конструирование идеального/предпочитаемого другого вслед за Мюрреем обычно анализируется через понятие фетишизации (Murray 1996). Однако стабильность сексуальности в постпарадигматической социальной реальности может обеспечиваться не только внутриличностными, но и социально-психологическими механизмами противопоставления «Мы»-«Они».

При этом появляется возможность скрещивания маркеров разных сексуальностей, экспериментирования и вольного обращения с ними, гибридизации сексуальности, в результате чего теряется возможность четкой социальной демаркации ее разновидностей и начинают плодиться все новые и новые суб-идентичности: например, асексуал, аромантик, грейсексуал, демисексуал, демиромантик, литромантик, пансексуал, полисексуал, сколиосексуал, паноромантик и т.д.

Разумеется, не все возможные в современных социальных условиях сексуальности гибриды и текучи. Любой тип зафиксированной сексу-

альности — такой же политический проект и социальный институт, как и этничность, именно институционализированные сексуальности как раз и обладают качеством стабильности. Только они могут иметь личностную укорененность, соответствовать определенному типу личности, формировать его. В то время как в индивидуальном сознании традиционный институционализированный образ биполярной сексуальности (гетеро/гомосексуальность) и гибридный, возникающий на основе интрапсихического сексуального желания, в котором границы полюсов отсутствуют, могут пересекаться. Поэтому в попытках адекватного понимания современной сексуальности конкретных людей не следует попадаться ни в ловушку гибридности, ни в западню стабильности сексуальности. Как и в случае с исследованиями этничности, в исследованиях сексуальности сегодня следует избегать дихотомии стабильности/текучести. Как показывают исследования этничности, игра с фиксированностью и текучестью социальных категоризаций может оказаться ключевой характеристикой дискурсивных определений человеческой сексуальности и открыть широкие возможности самоопределений и поведенческих проявлений (Nørreby, Møller 2015). При этом сама сексуальность в ее сегодняшнем виде имеет достаточные основания рассматриваться в виде конгломерата разнообразных типов социальных общностей, принципиально сходных по своим механизмам бытования с (воображаемыми) этническими общностями.

Литература

- Батлер Дж. (2011) Гендерное регулирование. *Неприкосновенный запас*, 2(76): 11–29.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вейсман А.Д. (2011) *Греческо-русский словарь: репринтное издание 1899 г.* М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.
- Воронцов Д.В. (2013) Дихотомия гомо- и гетеросексуальности в конструкторе маскулинности у юношей. Тартаковская И.Н. (ред.) *Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке* М.: Звенья: 138–156.
- Знаков В.В. (2004) Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы. *Психологический журнал*, 25(1): 41–51.
- Исаев Д.Д. (2012) Системный подход к проблеме гендерной идентичности. *Педиатр*, 3(4): 37–40.
- Панкратова Л.С. (2011) Сексуальная культура современного общества: взгляд социолога. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия*, 1 (13): 152–156.
- Тертуллиан К.С.Ф. (1994) К жене. Юнц Э. (пер.). *Избранные сочинения*. М.: Прогресс: 334–344.

- Bradley H. (2015) *Fractured Identities: Changing Patterns of Inequality*. 2d ed. London: Polity Press.
- Gagnon J., Simon W. (1973) *Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.
- Hazleton W.A. (1995) Imagined Communities of Ethnicity and Class. *Mershon International Studies Review*, 39(2): 282–286.
- Hill C.A. (2008) *Human Sexuality: Personality and Social Psychological Perspectives*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (eds.) (2008) *Handbook of Constructionist Research*. London: Guilford Press.
- Katz J.N. (2007) *The Invention of Heterosexuality*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lauretis de T. (1987) *Technologies of Gender. Essays on Theory, Film, and Fiction*. Bloomington: Indiana University Press.
- Murray S. (1979) The Institutional Elaboration of a Quasi-Ethnic Community. *International Review of Modern Sociology*, 9(2): 165–177.
- Murray S. (1996) *American Gay*. Chicago: University of Chicago Press.
- Nørreby T.R., Møller J.S. (2015) Ethnicity and Social Categorization in On- and Offline Interaction among Copenhagen Adolescents. *Discourse, Context & Media*, 8: 46–54.
- Rampone W.R. (2011) *Sexuality in the Age of Shakespeare*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC.
- Rampton B. (2005) *Crossing. Language and Ethnicity among Adolescents*. 2d ed. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Reiss I.L. (2006) *An Insider's View of Sexual Science since Kinsey*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Salisbury J.E. (1991) *Church Fathers, Independent Virgins*. NY.: Routledge.
- Salisbury J.E. (2000) Gendered Sexuality. In: Bullough V.L., Brundage J.A. (eds.) *Handbook of Medieval Sexuality*. NY.: Garland Publishing: 73–100.
- Whittier D.K., Simon W. (2001) The Fuzzy Matrix of «My Type» in Intrapyschic Sexual Scripting. *Sexualities*, 4(2): 139–165.

SEXUALITY AS ETHNICITY: A CULTURAL RESOURCE OF GENDERED SEXUALITY

*Dmitri Vorontsov**

Sothern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Citation: Vorontsov D.V. (2017) Seksual'nost' kak etnichnost': kul'turnyy resurs genderizovannoy seksual'nosti [Sexuality as Ethnicity: a Cultural Resource of Gendered Sexuality]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 59–74 (in Russian).

Abstract: Socio-cultural context is crucial for proper understanding of what human sexuality really is. The idea of sexual scripts, functioning on cultural, interpersonal and intra-psychic levels, brings a new concept of gendered sexuality. Long before forthcoming of Modern societies, sexuality had been an intrinsic attribute of masculinity and femininity and never been treated as unattached to or different from gender. Both corporality and libidinal desire regimes had the gender perspective, and peculiar sexual practices had for a long time established some cultural standards for masculine and feminine modes of being. Resurgence of culturally, not biologically based sexuality concept nowadays allows us to discover a growing socio-historical trend towards the state as sexuality gains the qualities of ethnicity. Applicability of ethnicity concept to sexuality have been asserted since the late 1960-s due to structural analysis of gay communities in the industrial megalopolises. Having referenced to the etymology of such social category as ethnos, we are able to see this category may designate any minorities which do not fit into normative social order, including that one directed onto sexuality. If one understands sexuality as scripts of gendered corporality being performed by means of social communications, perceptions and interactions, the sexual community which emerges due to social attention and fixation on gender and sexual non-normative practices is quite able being understood like ethnic community. Considering anti-normative tendencies in modern societies, in liquid social setting any kind of sexuality existing at intra-psychic and performed at interpersonal levels commences to lose the characters which secure its false “naturalness” and dominance over other — marginal, repressed — sexualities. Hybridization, crossing the markers of dissimilar sexualities prompts some social actors to fix the disintegrated sexual scripts by perpetual constructing/imagination of sexual communities on the base of pseudo- and sub-identities: asexual, graysexual, demisexual and so forth. To take the liberties with socio-sexual categorizations becomes the core feature of modern discursive definitions of human sexualities.

Keywords: sexuality, ethnicity, gender, sexual community, gendered sexuality

References

Bradley H. (2015) *Fractured Identities: Changing Patterns of Inequality*. 2d ed. London: Polity Press.

Brubaker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. M.: Izd. dom Vysheyshkoly ekonomiki [Higher School of Economics Press] (in Russian).

* E-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

- Butler J. (2011) *Genderneoe regulirovanie* [Gender Regulations]. *Neprikosovennyi zapas* [NZ], 2 (76): 11–29 (in Russian).
- Gagnon J., Simon W. (1973) *Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.
- Hazleton W.A. (1995) Imagined Communities of Ethnicity and Class. *Mershon International Studies Review*, 39(2): 282–286.
- Hill C.A. (2008) *Human Sexuality: Personality and Social Psychological Perspectives*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (eds.) (2008) *Handbook of Constructionist Research*. London: Guilford Press.
- Isaev D.D. (2012) Sistemnyy podkhod k probleme gendernoy identichnosti [A systematic approach to the problem of gender identity]. *Pediatr* [Pediatrician], 3 (4): 37–40 (in Russian).
- Katz J.N. (2007) *The Invention of Heterosexuality*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lauretis de T. (1987) *Technologies of Gender. Essays on Theory, Film, and Fiction*. Bloomington: Indiana University Press.
- Murray S. (1979) The Institutional Elaboration of a Quasi-Ethnic Community. *International Review of Modern Sociology*, 9(2): 165–177.
- Murray S. (1996) *American Gay*. Chicago: University of Chicago Press.
- Nørreby T.R., Møller J.S. (2015) Ethnicity and Social Categorization in On- and Offline Interaction among Copenhagen Adolescents. *Discourse, Context & Media*, 8: 46–54.
- Pankratova L.S. (2011) Seksual'naya kul'tura sovremennogo obshchestva: vzglyad sotsiologa [Sexual culture of modern society: the view of a sociologist]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Series 7, Philosophy, 1 (13): 152–156 (in Russian).
- Rampone W.R. (2011) *Sexuality in the Age of Shakespeare*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC.
- Rampton B. (2005) *Crossing. Language and Ethnicity among Adolescents. 2d ed.* Manchester: St. Jerome Publishing.
- Reiss I.L. (2006) *An Insider's View of Sexual Science since Kinsey*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Salisbury J.E. (1991) *Church Fathers, Independent Virgins*. NY.: Routledge.
- Salisbury J.E. (2000) Gendered Sexuality. In: Bullough V.L., Brundage J.A. (eds.) *Handbook of Medieval Sexuality*. NY.: Garland Publishing: 73–100.
- Tertullian K.S.F. (1994) K zhene [To his wife]. In: Tertullian K.S.F. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Yunts E. (trans.). M.: Progress: 334–344 (in Russian).
- Vorontsov D.V. (2013) Dikhotomiya gomo- i geteroseksual'nosti v konstrukte maskulinnosti u yunoshev [The dichotomy of homo- and heterosexuality in the construct of masculinity in young men]. In: Tartakovskaya I.N. (ed.) *Sposoby byt' muzhchinoy: Transformatsii maskulinnosti v XXI veke* [Ways to be a man: Transformations of masculinity in the 21st century]. M.: Links: 138–156 (in Russian).
- Weisman A.D. (2011) *Grechesko-russkiy slovar': reprintnoye izdaniye 1899 g.* [Greek-Russian dictionary: reprint edition of 1899]. M.: Greco-Latin cabinet Yu. A. Shichalina (in Russian).
- Whittier D.K., Simon W. (2001) The Fuzzy Matrix of “My Type” in Intrapsychic Sexual Scripting. *Sexualities*, 4(2): 139–165.
- Znakov V.V. (2004) Polovyye, gendernyye i lichnostnyye razlichiya v ponimani moral'noy dilemmy [Sex, gender and personality differences in understanding the moral dilemma]. *Psikhologicheskyy zhurnal* [Psychological Journal], 25 (1): 41–51 (in Russian).